

УДК 101.8:316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Доминанты локальной идентичности

Н.А. Колодий^{1✉}, В.С. Иванова²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ kolna@tpu.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования локальной городской идентичности связана прежде всего с тем, что в современных условиях любой город совмещает несколько стратегий пространственного развития, а следовательно, определённое множество типов идентичности. Все они нуждаются в точном описании и систематизации, необходимой для того, чтобы дать адекватную интерпретацию города как трансфизического феномена и человека как культурно организованного субъекта. **Методы:** нарративный анализ текстов, созданных ключевыми потребителями и производителями Текста города в широком смысле этого слова. Для анализа разных типов идентичности использовались материалы нескольких исследований, связанных с Томском: интервьюирование горожан, проводившееся с целью выяснения отношения жителей к трансформации города и его общественных пространств в 2022–2023 гг.; отчёты по изучению протестного поведения горожан, обусловленного действиями городских властей, разрушающих, по мнению жителей, «гений места». **Результаты** основаны на интерпретации текстов, размещённых на сайте «Карта историй. Томск», материалов интервьюирования, которые дали возможность трактовать идентичность как приращение смыслов объектам городской среды или в целом городскому пространству, обусловленное общественным и индивидуальным опытом. **Выводы:** процессы формирования городской идентичности находятся в состоянии постоянного конструирования и трансформации, но при сохранении неких констант, связанных с доминирующей системой смыслов, приписываемых реальности.

Ключевые слова: локальная идентичность, нарративный анализ, жизненный мир, стратегии смыслообразования, пространство как трансфизический феномен, человек как культурно-организованный субъект

Для цитирования: Колодий Н.А., Иванова В.С. Доминанты локальной идентичности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 34–48. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

UDC 101.8:316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Dominants of local identity

N.A. Kolodiy^{1✉}, V.S. Ivanova²

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

✉ kolna@tpu.ru

Abstract. Relevance. The fact that in modern conditions any city combines several strategies of spatial development, and, consequently, a certain set of types of identity. All of them need an accurate description and systematization necessary in order to give an adequate interpretation of the city as a transphysical phenomenon and man as a culturally organized subject. **Methods.** Narrative analysis of texts created by the main consumer and producer of the Text of the city in the broadest sense of the word. To analyze different types of identity, materials from several studies related to Tomsk were used: interviews of citizens conducted to clarify the attitude of residents to the transformation of the city and its public spaces in 2022–2023; reports on the study of protest behavior of citizens caused by the actions of the city authorities, destroying, in the opinion of residents, the “genius of the place”. **Results.** Based on the interpretation of texts posted on the History Map website. Tomsk; interview materials that made it possible to interpret identity as giving meanings to objects of the urban environment or the urban space as a whole based on the results of public and individual experience. **Conclusions.** The processes of urban identity formation are in a state of constant construction and transformation, but while maintaining certain constants associated with the dominant system of meanings attributed to reality.

Keywords: local identity, narrative analysis, life world, strategies of meaning formation, space as a transphysical phenomenon, man as a culturally organized subject

For citation: Kolodiy N.A., Ivanova V.S. Dominants of local identity. Journal of Wellbeing Technologies, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 34–48. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1890

Введение

В современной ситуации возникает достаточно большое количество привычных, необычных и неожиданно новых описаний образов города. Причём если цель создания привычных образов города – поддержать, укрепить складывающуюся годами идентичность [1], то цель новых спонтанных нарративов о городе – охарактеризовать благодаря определённой фокусу исследований сложную или мультимодальную природу города и, как следствие, процесс сосуществования нескольких темпоральных ритмов, скоростей, режимов городской жизни [2], а в связи с этим – множество типов локальной (городской) идентичности [3–6].

Новые здания города или один изменившийся локус пространства, новый арт-объект в городе или просто малые архитектурные формы, появившиеся в определённом общественном пространстве и вызывающие интенсивное обсуждение, новые технологии могут сформировать иной образ места и территории или трансформировать тип взаимодействия с пространством, вызвать процесс фрагментации старой и конституирования новой идентичности.

Рефлексия над этими процессами, как считает ряд исследователей, должна способствовать выработке стратегии гармоничного социопро пространственного развития города или обоснованию своеобразного пространственного каркаса для реализации глобальных амбиций города.

Пространственное развитие города противоречиво. Известный учёный М. Дэвис, исследуя урбанизацию в 1980–90-х гг., в своём исходном проекте разделил Лос-Анджелес на несколько сотен фрагментов, которые очень сильно отличались друг от друга [7–9]. В Большом Лос-Анджелесе он выделил около 350 «жизненных миров», интерпретация которых дала представление о городской идентичности.

Спустя почти 40 лет при изучении жизненных миров и практик в городе-университете (сибирском Томске) обнаружено до нескольких десятков относительно автономных миров и пространственных локусов¹. В России, как показывает опыт современных социальных анали-

¹ 13 исторических зон, каждую из которых можно разделить на три: те, кто живёт в полуразвалившихся старинных деревянных зданиях, составляющих средовый фон исторического поселения; те, кто живёт в самостоятельно отреставрированных домах, – в основном художники и интеллигенция; те, кто живёт в отреставрированных государством домах. Городской центр: условный средний класс, проживающий в строениях нового типа; горожане в домах-иконах деревянного зодчества, жители так называемой «деревни в городе», проживающие в «кап-

тиков, в анализе используется социально ориентированный (левацкий/радикальный) – подход урбанизма [9]. Если Дэвис сумел рассмотреть определённую логику в различающихся по форме процессах городских преобразований в центре и на периферии капиталистического мира, то подходы в России базируются на изучении отдельных фрагментов многообразных жизненных миров, изменения которых имеют разную логику. Если для Дэвиса выстраивание более жёсткой иерархии территорий современных городов, уменьшение средних классов, сужение формальной занятости, изменение статуса публичного пространства были главными социальными последствиями волны неолиберальной урбанизации, на фоне которой реконструировались жизненные миры; то для современных российских учёных наиболее типичными причинами этого процесса является усиление культурных различий, многообразие стилей жизни столицы и периферии, разнообразие в повседневных жизненных практиках в разных регионах, неравномерность смартизации городов.

Цель данной работы – построить типологию жизненных миров и локальной городской идентичности, выявляя доминанты этих явлений. Задачи: анализируя разные нарративы (карта историй, свободные интервью), сформировать представление об идентичности горожан, отражённой в них; сравнить разные модели идентичности, связанные с разными стратегиями смыслообразования.

Методология базируется на принципах социального конструктивизма, семиотическом подходе, разработанном классиками культурологии Ю. Лотманом и В. Топоровым.

Для анализа разных типов идентичности использованы материалы нескольких исследований, связанных с Томском: нарративы горожан о городе, точнее – о конкретных местах проживания в городе, чаще всего это проживание в домах, представляющих культурную и историческую ценность; документы интервьюирования горожан, проводившегося с целью выяснения отношения жителей к трансформации города и его общественных пространств в 2022–2023 гг.; отчёты по исследованию протестного поведения горожан, обусловленного действиями городских властей, разрушающих, по мнению жителей, «гений места».

Обзор литературы

По работам Р. Колхааса, Ф. Кука, Д. Логана, Х. Молоча, М. Руссо, С. Сассен, Э. Сойи Н. Трифта вполне определённо можно выделить не только стратегии описания современного города, но и охарактеризовать то, что в урбанизированном пространстве противоречиво, неоднозначно и вызывает максимальное напряжение дискурсивного обсуждения [10–17]. Пространственный поворот потребовал «переопределения», реконцептуализации пространства: оно стало пониматься гораздо отчётливее как носитель социальных и символических значений и как культурно нагруженная категория.

N. Brenner, Ch. Schmid удалось суммировать эти изменения в семи тезисах. В одном из первых тезисов они констатировали, что сегодня «город меньше всего представляет собой эмпирический объект, скорее, он – сконструированная модель: его выделение как зоны мысленной, репрезентируемой реальности является плодом фантазии и воображения; теоретической концептуализации». По их мнению, «многообразие процессов планетарной урбанизации» так велико, что его не смоделировать, даже учитывая все нюансы исторического, культурного контекста» [18].

Российские исследователи, репрезентирующие это направление, создавали целостный образ города с целью разработки рекомендаций по устранению или сглаживанию пространственного и социального неравенства и демонстрировали преимущество некоторых способов

сулах времени»; жители новых микрорайонов (люди, воспринимающие город как транзитное место); жители традиционных уважаемых районов; жители стагнирующих спальных микрорайонов. Все вместе это образует многообразие жизненных миров.

преодоления неравенства (последователи О. Трущенко) [19]. Гипотезы, которые в этом контексте наиболее популярны: первая – современные технологии усиливают все формы неравенства, вторая – умные технологии ослабляют их. В зависимости от этого выстраиваются и стратегии идентичности. С этим же связаны попытки собрать город по новому, чтобы избежать упрощения, адекватно описать тактики геттоизации, сегрегации². Хотя понятно, что эти процессы не имеют одной явно выраженной формы [20].

Е. Асс, А. Высоковский, В. Глазычев, И. Добрицына, В. Паперный развивают ту же тему усложнения природы города и исследуют дробность жизненных миров горожан. В трудах вышеперечисленных авторов город последовательно изучался как некая сложная экосистема, минимальное воздействие на которую меняет очертания целого, особенности стилей жизни [21–25].

Междисциплинарные урбанистические исследования (П. Вайль, Г. Горнова, Б. Гройс, О. Запорожец, О. Калачёва, С. Кропотов, М. Маяцкий, Г. Ревзин, С. Ромашко, Е. Трубина) также определяют пересборку города в её нынешнем виде и связанные с ней изменения идентичности [5, 26–35]. В современном российском, особенно – провинциальном, нестоличном контексте пересборка принципиально иная: в её рамках невозможно игнорировать более сильные противоречия в городской жизни – интеграцию и фрагментацию, статичность и изменение, множественность и единство, появление несопоставимых в каком-то смысле локусов и жизненных миров.

В российских городах изучение многообразия жизненных миров [36] как особых, тесно связанных с повседневной жизнью, с акцентом на социальной составляющей, тоже особенно интенсивно началось в середине 1990-х гг. Продолжением стало исследование эволюции жизненного мира россиян в условиях современного социума с опорой на феноменологическую методологию и социально-критическую теорию [37]. Обращение к категории «жизненный мир» в теоретической социологии вызвано попытками минимизации существующего зазора в исследовании агентных и структурных измерений социальной реальности и преодоления противоречий, связанных с объективизмом и субъективизмом, социальным номинализмом и социальным реализмом в их современной форме.

Это привело к детализации объема и содержания понятия «жизненный мир», к тому, что материально-вещный, фактический аспект социальной реальности стал исследоваться более подробно. Уровень «материальности», на котором сегодня сосредоточена позиция социальных аналитиков – «это не только машины, дороги, торговые сети и системы сбора мусора, уличные сенсоры и процессоры, обеспечивающие функционирование городов под землей и на поверхности; но и вертикальный слой ночного света, и виртуальная навигация и коммуникация, создающие новое измерение городской географии, и бюрократические правила и технические инструкции, и все те множественные «протезы», ...которые современный человек охотно натурализует и перестает замечать, воспринимая их как норму своего городского существования, своей “зоны обитания”» [38, с. 328]. В исследовательской литературе таким образом описаны процессы конституирования города-сцены и города-места, трактуемого как пространство приложения физических и интеллектуальных сил человека и общества, формирование мест-локалов и не-мест (термин Оже) [39]. Определённым образом осмыслены новые правила игры с пространством, медиатизация и цифровизация города, создающие еще одно измерение городской географии; новые формы организации пространства (пространство-сеть, пространство-отношение или пространство-поток отношений) [17]. Складывается

²В одной из своих работ социолог О. Трущенко использовала подход Бурдьё в исследовании российских городов и выявила то, что неравенство обусловлено определёнными социокультурными предпосылками. По её мнению, ещё со времён основания Москвы так называемая чернь селилась в восточном и юго-восточном направлении от княжеских палат, а знать – в южном и юго-западном. Автор считает, что такая символическая оппозиция задаёт и сегодняшнее противостояние центра и периферии.

исследовательская традиция в изучении глобально богатых и глобально бедных, выявляются причины глубинной поляризации социальных различий, разрывов целостной градостроительной ткани, трущобизации в разных формах [40]. Все это обуславливает, по мнению некоторых исследователей, появление новых жизненных практик, гибридных типов локальной идентичности [39, 41, 42].

Однако в литературе недостаточное внимание уделено тому, как происходит сохранение традиционного пространства города, как осуществляется жителями сознательное «бегство в прошлое» или его консервация. Или, другими словами, как складывается локальная идентичность, обусловленная культурно-историческим факторами и обстоятельствами?

Отражение городской локальной идентичности

Если определять идентичность как придание смыслов объектам городской среды или в целом городскому пространству на основании результатов общественного и индивидуального опыта, то следует обратить внимание на несколько моделей смыслообразования, которые выявлены в ходе данного исследования. Набор континуумов смыслов, составляющих текстуру сибирского города, таков: Томск – город со статусом исторического поселения, он представляет собой сибирский центр деревянного зодчества; Томск – город-университет; Томск – город, смарт-трансформация которого вполне предсказуема, но не всегда приводит к ожидаемым результатам.

В соответствии с этой классификацией выделяются, во-первых, тип идентичности, который связан с интерпретацией Томска как старинного сибирского города; во-вторых, позиции жителей в отношении города как университетского центра; в-третьих, реакции томичей на опыт интеграции умных технологий города и на то, определяют ли идентичность эти технологии умного города. И еще один тип реакций горожан, который требует особого внимания, – протестное настроение, когда идентичность разрушается и сами жители это отчётливо осознают. Этот вид мнений присутствует во всех трёх типах.

Чтобы укрепить именно идентичность, связанную со статусом исторического поселения, представители исторического Томска и жители-активисты иницируют такие городские практики, в которых горожане отчётливо наделяют ценностной маркировкой фрагменты объективной и субъективной реальности Томска (деревянное зодчество, природный и культурный ландшафт, компактность, реки, ритм жизни в городе, жители города).

Примечательно, что с помощью активистов, борющихся за сохранение целостной городской среды, исторических зон города, создаются такие информационные ресурсы, в которых указанная идентичность оживлённо обсуждается. Например, в сетевых акциях, которые организовывало местное издание «Томский Обзор» – #OldTownChallenge, #OldTownChallengeTomsk и в других флешмобах и перформансах в защиту памятников деревянного зодчества³ [43]. Также интересные материалы, иллюстрирующие процессы формирования идентичности, представлены в проекте «Карта историй. Томск» [44].

В реакциях жителей в первую очередь внимание было сконцентрировано на том слое мнений, в котором присутствовала прежде всего ссылка на то, что Томск – старинный сибирский город, где определённая часть сохранила историческую планировку (строения дорегулярной планировки XVII–XVIII вв., здания реализованных градостроительных проектов XIX и начала XX вв.). Жители, проживающие на этой территории, переживают сложную многослойную идентичность, точнее – могут переживать, поскольку текстура города противоречива. Обратимся к нарративам «Карты историй. Томск».

Первый нарративный шаблон фиксирует внимание на том, что та часть города, где проживают люди, – заповедник подлинной жизни. В такого рода нарративах принцип отноше-

³ Instagram, продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

ния к месту проживания заявляется сразу. Создаются сначала «рёбра жесткости конструкции», затем формируется основное тело представлений: *«Заисток наш, по сравнению с 80-ми, стал еще более ветхим. Стали его зажимать. Новые постройки появились, дома разбирают старые, строят из кирпича. Пытаются залезть сюда. Во всей нашей стране больше не осталось ни одного компактного района, где присутствует такая архитектура. Так, чтобы была сохранена эта историческая среда»* (муж., исторический район) [45]. Жителям таких домов важно не только то, что дом не является стандартизированным, массовым, но и то, что эту уникальность нужно сохранять, в ней – ключ к гармоничному существованию: *«Много лет по всей стране строили типовые дома, а сто с лишним лет назад каждый старался выделиться, каждый, кто что-то строил для себя. В каждом городе был свой рисунок резьбы и свой почерк, узнаваемый и уникальный»* (муж., исторический район). Гармоничное существование – это особое осознание идентичности и характера жизненных практик: *«Я с семьей здесь живу с 1986 года. Здесь жили бабушка и дедушка, оба – фронтовики. Люди старшего поколения, пережившие войну и трудности, так бодрячком и продержались всю жизнь. И столько у них запала было! Вот чего сейчас не хватает современному поколению. Мы гораздо слабее тех, кто прошел войну. Вот моей теще, Александре Пелагеевне, 86 лет. А так с молодости ее все Шурой зовут, даже внуки»* (муж., исторический район) [45].

В рамках этого же шаблона, но немного с другим акцентом – интересом к топосу усадьбы – проявляется подобная идентичность (об этом свидетельствуют нарративы людей, проживающих в отреставрированных деревянных домах) [45]. Исторические локусы, наделенные символическим значением в культуре, судя по нарративам, либо откровенно музеефицируются (точная реконструкция деревянных строений), либо эстетизируются (увядающая красота, на уровне жизненных практик это проявляется в перформансах, посвященных сохранению зодчества, в каталогизации резьбы, оконных проемов).

А что все-таки можно обнаружить в новом опыте проживания в доме, который намеренно стилизуется под усадьбу? Внешне – многое: позиционирование принципов экоурбанизма, бегство от суетной реальности, сибирскость как аутентичность. Мотив внутреннего убеждения – ощущение подлинности жизни в деревянном доме. В нарративах очевидны линии бегства, причем не столько от порядка, определяемого будущим, сколько от порядка бинарных оппозиций.

Второй нарративный шаблон акцентирует внимание на том, что любая идентичность – «родом из детства». Например, в «Карте историй. Томск» есть много описаний, согласно которым само место, где росли жители, очень подходило для детства. Это деревня в центре города, настоящие дворы, почти патриархальный уклад: *«Сейчас вспоминаю: не было жизни лучше той, которую я прожила там. Ну, вот не было! Во-первых, добрые люди. Там жило очень много простых людей, от сохи»* [46] (жен., центра города).

Аутентичность в этом контексте связана с уникальностью местности, с её эмоциональной привлекательностью. Она имеет двойственную природу, так как, с одной стороны, связана с устоявшимися традициями территории, ее неизменным образом и повседневным укладом жизни обычных горожан, с другой – она может формироваться за счёт нового, творческого начала, привносимого элитами, проживающими на этой территории [42].

Третий нарративный шаблон близок с предыдущим, но в этом шаблоне есть указание на то, что житель не признаёт возможности трансформации пространства города, в котором он живёт: *«Истоки здесь были, родники, прочие разные озера, короб из лиственницы, ее часто использовали при строительстве деревянных домов. Тут было вообще здорово. Пацанское детство, оно такое. Томь, бывало, подходила прямо сюда, к берегу. Такие пескари плавали. А там, где гараж, было озеро прекрасное, и речная вода соединялась с ним по этому коробу. При мне тут топило два раза. Вода доходила до Каримовского дома. Помню, пацанами на калитках катались, как на плотках, по этим улицам. И эта вода уходила туда, а озеро было*

чистейшее. Вот меня попробуй отсюда из Заистока выселить. Я пулемет поставлю, не сдамся» (муж., исторический район) [47].

Четвертый нарративный шаблон выстраивается таким образом, что признаётся то, что «жить в деревянном, например, перестроенном из бывшей конюшни, доме, это «колоссальное удовольствие» (жен., исторический район): *«Жила я и в обычных кирпичных домах. Поняла: холодные кивки соседей по площадке, молчание в лифте – это все не для меня. А здесь складывается совершенно особый микромир. Квартир немного, все друг друга знают. Появится во дворе чужой – кто-нибудь обязательно скажет. Деревня! К тому же я не хочу, выходя на улицу, видеть вокруг спальный район. Эстетическая радость для меня очень важна. А здесь прогуливаю собаку и любуюсь столетними красивейшими домами»* (жен., исторический район) [48]. Возможно, эстетическое созерцание позволило сохранять истории не только в памяти, но и в многочисленных создаваемых ей сценариях.

Установка на то, что уникальная среда рождает уникальные типы отношения к жизни, не подчиняющиеся бегу времени, отражается в нарративах, являясь устойчивой и постоянной. А.К. Секацкий использует оппозицию «присутствия–отсутствия» для обозначения сути культурных перемен, утверждая, что «традиция несуетного проживания стала, наконец, воистину маргинальной, принципиально несохраняемой – даже узы ближайшего родства не предотвращают угасания присутствия, оставшиеся пустыми, вещи-оболочки напоминают, в лучшем случае, о факте отсутствия, их эфемерное единство распадается сразу же, как только владелец исчезает. Они суть опавшие лепестки, и только тексты могут быть сжаты в семена, пригодные к произрастанию» [49, с. 78].

Практически любой город в большей или меньшей степени обладает мифологическим ландшафтом; который, с одной стороны, создаёт в культурном сознании простые знаки и символы воображаемой городской среды, с другой – выстраивает и корректирует ее реальную топографию. Модель города как многоуровневой риторической фигуры, совокупности мифов, как известно, была выведена на орбиту культурологических исследований Ю. Лотманом и В. Топоровым. Согласно их воззрениям, городское пространство формируется определённой иерархией мифологических представлений, порой – доминантных, порой – периферийных. Представления эти служат источником информации о прошлом или утопическом будущем города, реже – об актуальном настоящем. Ю.М. Лотман усматривал в городе «механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность соплагаться с настоящим как бы синхронно» [50, с. 282]. Так, хранители времени пекутся главным образом о том, чтобы этот импульс в описании города был искренним и аутентичным: *«Сохранение истории» для меня звучит очень серьёзно и ответственно. Предпочитаю «сохранение времени». Сильно не размахиваюсь, ограничил себя XX веком, первую треть которого знаю по рассказам близких, а дальше – собственные впечатления»* (муж., центр города) [51].

Хранители времени, как правило, отмечают следующее обстоятельство: *«Нам повезло жить в старинном деревянном доме, охраняемом как памятник архитектуры. Ещё недавно у нас была усадьба с флигелем, со служебными постройками, с деревьями и просторной лужайкой для детских игр и соседских посиделок. На деревьях висели скворечники и кормушки для птиц. Однажды пришлось вскармливать с ложечки осиротевших сорочат. С тех пор сороки навещали нас каждый год. Но в 2013-м птице негде было сесть – ни одного дерева, всё срубили»* (жен., исторический центр) [51]. Жители сетуют лишь на одно: застройщики разрушают целостность среды. Они утверждают: *«На экскурсиях я вижу, как гости города восхищаются отдельными зданиями, но они не видели, как живописно смотрелась старая застройка в комплексе. Настоящее путешествие на 100 лет назад. Где вы сейчас такое найдёте? Причём, всё подлинное. Тот Томск, который мы сегодня привычно называем «историческим», с большой любовью создавали состоятельные люди – «отцы города». Имея*

средства, привлекали к строительству высококлассных архитекторов. Мы знаем их имена, гордимся ими, чего нельзя сказать о наших современниках» [51] (жен., центр города).

Анализируя нарративы на «Карте историй Томск», можно наблюдать не пространство «глобального бегства», а пространство внутренней городской миграции, если не назвать это вообще бегством от суетной жизни. Процессы повернулись вспять – в сторону ре-территориализации и ре-материализации.

В свою очередь к переоценке места и территории приводят групповые протестные субкультурные практики, которые выгораживают и обустривают в пространстве города свое «бытие-вокруг» [52].

Так, нарратив членов ««artist-run space (ars), ars котельная» в Томске, которая долгое время существовала как особое пространство города, где собиралась творческая молодёжь, и которая на каком-то этапе развития была закрыта, представлял собой манифест в защиту локальных особенностей и контекстов от глобализирующего, универсализирующего, нивелирующего воздействия власти и принуждения: *«Котельная» расположена, на мой взгляд, в очень важном месте – на пересечении путей совершенно разных людей. Для меня она была экспериментом по созданию независимого места, художественной лаборатории в центре Томска* [53] (жен., Томск). Пространство ars котельной, вход в которую всё-таки был замурован, было своеобразной творческой лабораторией города: *«Было так хорошо, что есть маленькая вселенная во дворе жилого дома, где могут встретиться и поболтать австрийский профессор и основатель комьюнити [Archive of Digital Art] ADA, [художник] Ваня Дыркин, томские студенты и внезапно мы, заехавшие из Екатеринбурга. Эта «котельная» действительно грела Томск, была признаком нормального здорового города»* (муж., Екатеринбург). Её участники были уверены в том, что «Котельную» в глобальном контексте нельзя заварить [53].

Нарративы демонстрируют то, как происходит так называемое «сшивание», соединение виртуального и материального, удаленного и близкого, потока и статики, присутствия и отсутствия в единую онтологическую целостность, благодаря чему некое место на карте города превращается в «пространство-отношение». Таким образом, речь идет об отказе от картографически традиционного понимания «пространственности», основанной на простом географическом подходе к природе и сущности расстояния, места, территории.

Только благодаря дискуссиям в социальных медиа может конструироваться новое понимание форм социального взаимодействия, которое уже не укладывается в традиционные: «мы-переживание», солидарность, конфликт, борьба. Фреймированное взаимодействие людей «лицом к лицу» и фреймированное взаимодействие «гаджет–человек–гаджет» открывают новые горизонты социального. Оно происходит в переходный период: привычный материальный мир, созданный человеком, становится все менее заметным и значимым. Он как бы сливается с цифровым миром благодаря интерактивным коммуникациям. Пространственное развитие, которое предстаёт перед исследователем, может адекватно осмысливаться только с учётом разных перспектив и уникального культурного контекста. Вся совокупность современных технологий, система гаджетов не только обуславливают новое видение реальности, но вызывают динамичное перераспределение социокультурных связей, социальных дистанций и сложившихся социальных иерархий.

Социальные медиа, публич-группы, связанные с городом, создают особый тип риторики. Благодаря определённой исследовательской оптике можно выявлять риторическую доминанту, «конструктивный принцип», который определяет общественный порядок как таковой, – «его символическое и функциональное ядро» [54].

Если обратиться к нарративам, которые связаны с интерпретацией Томска как Большого города, Большого университета, Города-университета или умного города, то можно обнаружить переход от эссенциалистского взгляда на «мой город» к реляционному взгляду на

структуру городского пространства, которое «производит наши телесные схемы» и удерживает в себе силой «естественности» обыденного восприятия [55].

Критические комментарии в паблик-группах и сетевых сообществах по умному городу свидетельствуют о диаметрально противоположных подходах в понимании сущности проектов, реализуемых в этом контексте. Либо возникает представление, что эти проекты разрабатываются междисциплинарными командами профессионалов, которые, привлекая население, хотят действительно, трансформировать город в сторону умного, комфортного, живого, уникального, либо начинает доминировать подход, согласно которому любой партисипаторный проект – это вариант «инсценирования» коллективной деятельности с обязательным «ритуальным» участием горожан. Так, паблик-группа томских соцмедиа «Жесть Томска» любой проект по умному городу называет забавой молодых интеллектуалов, насмотревшихся умных европейских городов и желающих на грантовые деньги реализовать скудные фантазии [56].

Мнение о проектах развития умного города часто приобретает такую форму: *«Я хочу жить в городе, где меня окружают скверы, парки, газоны, красивая архитектура, кафе, какие-нибудь или фонтаны, а не сплошные дороги, развязки и парковки. Вы зачем так упорно пытаетесь хороший город превратить в каменные джунгли?»* (муж., 32 года). Сторонники этого подхода убеждены: *«Пространство города переформатируется под автомобиль медленно, но верно. Нужно находить баланс, а с этим сегодня проблемы»* (муж., 40+).

В нарративах подобного рода обрисовывается новая реальность мира, где природное и культурное начало пересекаются во множестве точек, а объекты, будучи отчасти медиум-специфичными, «вступают в различные отношения», расширенно понимаемая материальность «отмечена стремлением к преодолению всех дуализмов» [57]. Таким образом, провозглашается новая сложная материальность.

Разумеется, в российских городах, как правило, цифровизация, смартизация не закончены, а скорее, только начинаются. Но уже сейчас отчётливы контуры общества, существующего в режиме 24/7 [58], «с его непрерывностью производства, обмена, потребления, коммуникации и надзора, безостановочно функционирующей системой интернета, способами добровольного и невольного отслеживания местопребывания человека, с биометрической аутентификацией, при которой распознаются уникальные физические характеристики и устанавливается личность» [59]. Следовательно, для понимания складывающейся идентичности важно проследить, как новые «ассамбляжи» социального и технологического, культурного и пространственного влияют на эту идентичность. Акцентирование внимания на агентности городской инфраструктуры, на множественности сетей и задаваемые ими репертуары действий, как доказывают исследователи, должно обернуться тем, что формируется новое понимание жизненных практик. В них уже невозможно вычлениить социальное и несоциальное, материальное или духовное. Исследователи описывают при этом сужение традиционного социального (до офлайн соседства), с одной стороны, с другой – его расширение (до сообщества дигитальных граждан).

Любопытно, что в рамках современного общества уже найден способ превращения формы непрерывности коммуникаций, эффективной и повсеместной, встроенной в непрекращающийся поток производства и воспроизводства, в технологию по круглосуточному контролю и надзору (big data, камеры слежения). Причём люди порой и не осознают то, что это мощная технология задаёт парадигму социального устройства, по-прежнему в условиях преобладания основного капитала и власти. Сегодня в обществе есть только робкие попытки противостоять этому, не уподобляясь Дон Кихоту. В отношении городского пространства, меняющегося на глазах, в социальных медиа присутствуют две стратегии: поддержки трансформаций и ускользания от тотального прессинга тех, кто является идеологом таких изменений.

Что представляет собой подлинное сопротивление форме непрерывности? Об этом можно судить по нарративу-протесту, направленному против дублирования эталонного публичного

пространства, где утрачены спонтанность, природная «дикость», а присутствуют *постановочность*, *«коллективное самовозвеличивание»* (жен., 50+).

Что хотелось бы этому машинному, повторяющемуся, жестко урбанистичному противопоставить? Например, вот это: *«Кусочек природы в центре города. Никаких особых объектов не нужно, кроме симпатичных лавочек, зеленых лужаек и разнообразных деревьев»* (жен., 50+). Или абсолютно идиллическое: *«Только ничего, пожалуйста, не вырубайте ради огромных площадей с плиткой. Плитки в нашем городе достаточно, и она везде неудобная ни для ходьбы, ни для катания на чём-либо»* (жен., 31 год).

Восстать против валоризации, восстать хитро и настойчиво, провести более четкие линии – линии ускользания, борьбы, изобретения. Этим, конечно, не исчерпывается протестное настроение, но оно представляет существенный вектор борьбы со смарт-урбанизмом.

В социальных медиа динамично формируется риторическая модель, задающая определенные фреймы восприятия и описания города, его идентичности. Например, в Томске благодаря концепциям власти (Большой город, Большой университет) фокус настраивается на границу локального и глобального, но по преимуществу на глобальную перспективу: то с максимально точным конструированием того, как локальное вытесняется глобальным, как глобальное влияет на процессы конкурентной борьбы городов, на различия между самыми богатыми и самыми бедными, появление новых ландшафтов капитала, власти, городской политики, то на аутентичное развитие локального сибирского (в Томске, к примеру, это юбилейные даты города, годы интенсивного изучения: 1994, 2004, 2014, 2024 гг.). Но одновременно увеличение чёткости других исследовательских линз позволяет обнаружить то, как город видит сам себя, как действует, как превращает пространство в место-действие, место-локал.

Выводы

При анализе трех типа локальной идентичности было обнаружено следующее: разные форматы культуры производят многообразие практик «присвоения» города, систему высказываний о городе разных типов. Некоторые из них (фрагментарные, ориентированные на специфические аудитории и определённый тип потребителя) оказываются более востребованными, чем другие (не нацеленные на свою целевую аудиторию). Проанализированные нарративы, размещённые на популярных сайтах, продемонстрировали конфликтующие логики функционирования социальной сети (логика игры, демонстративного символического потребления, самопрезентации) и подтвердили гипотезу о том, что конструирование идентичности – сложный противоречивый процесс.

Противостояние нарративов о доме, усадьбе, профессорском гнезде, «капсуле времени», где мир реконструируется как устойчивый, предсказуемый, простой, определенный, и нарративов, где мир отражается как сложный, неоднозначный, неопределённый, характеризует систему ресурсов, на которых размещены тексты, отражающие локальную городскую идентичность. Любое вторжение суетного времени, неопределённого, сложного, неоднозначного мира изгоняется из сознания приверженцев устойчивого порядка. Условия нестабильного мира и принципы социального конструирования городской реальности накладывают свой отпечаток на переживание городской идентичности горожанами.

Влияние общества, существующего в режиме 24/7 с его непрерывностью коммуникаций и надзора, противоречиво. С одной стороны, происходит усиление глобальной «мы-идентичности», с другой – укрепление локальной идентичности, противостоящей любой тотальности и глобальности.

Новые фреймы восприятия и описания города, его идентичности существуют наряду с традиционными: создать или присвоить модель бегства от жизни в капсулу времени, инсценируемую в профессорских гнёздах, усадьбах, в строениях, в перформансах, противостоящих изменениям города; в зонах с плотным историческим слоем, гибридизацией советско-

сти-подлинности; в мечтах, обращённых подобно двуликому Янусу, в будущее и прошлое. Благодаря капсулам времени для их создателей типично участие только в тех формах модернизации города, которые сохраняют старый добрый провинциальный город. В фокусе позиционирования горожан оказывается не «идея места» (то есть идеально-типическое представление об этом месте, которым руководствуются его создатели), а действительное место, конкретное место-в-действии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаткулина Е. Городское путешествие. Томск. – Томск: Макушин Медиа, 2021. – 144 с.
2. Живая лаборатория // Сеть живых лабораторий Томска. URL: <https://vk.com/lltnet> (дата обращения 04.04.2023).
3. Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. – М.: Алетейя, 2022. – 408 с.
4. Анисимов Н.О., Туркина В.Г., Калинина Г.Н. Аксиология и границы идентичности городской среды: культурно-антропологическая перспектива // Наука. Искусство. Культура. – 2022. – № 3 (35). – С. 5–13.
5. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2018. – Вып. 3 (17). – С. 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56.
6. Петрулевич И.А. Городская идентичность в ценностной парадигме современного российского общества // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.15862/83SCSK423>.
7. Davis M. Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster. – New York: Metropolitan Books, 1998. – 142 p.
8. Davis M. Planet of Slums. – London: Verso, 2006. – 324 p.
9. Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. – New York: Vintage Books, 2006. – 441 p.
10. Koolhaas R., Mau B. S, M, L, XL. – New York: Monacelli Press, 1995. – 1344 p.
11. Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–30.
12. Логан Д., Молоч Х. Город как машина роста. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=98> (дата обращения 15.03.2024).
13. Rousseau M. Re-imaging the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in “Loser Cities” // International Journal of Urban and Regional Research. – 2009. – Vol. 33.3. – P. 770–788.
14. Сассен С. Глобальные города // Прогнозис. URL: <https://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (дата обращения 15.03.2024).
15. Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – 243 с.
16. Soja E. Six discourses on the posmetropolis. URL: http://www.opa-a2a.org/dissensus/wp-content/uploads/2008/05/soja_edward_w_six_discourses_on_the_postmetropolis.pdf (дата обращения 15.04.2024).
17. Амин Э., Трифт Н. Города. Переосмысляя городское. – М.: Красная ласточка, 2018. – 224 с.
18. Brenner N., Schmid Ch. Towards a new epistemology of the urban? // City. – 2015. – Vol. 19. – № 2–3. – P. 151–182. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
19. Трущенко О. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. – М.: Социо-Логос, 1995. – 240 с.
20. Манаенков К. Столичный Гарлем. Как решить проблему возникновения гетто в Москве и регионах. URL: <https://snob.ru/entry/185953n/> (дата обращения 15.05.2024).
21. Асс Е. К простоте // Проект Россия. URL: <https://prorus.ru/interviews/k-prostote/> (дата обращения 15.03.2024).
22. Высоковский А. Управление пространственным развитием // Отечественные записки. URL: <https://strana-oz.ru/2012/3/upravlenie-prostranstvennym-razvitiem> (дата обращения 12.03.2024).
23. Глазычев В. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
24. Добрицина И. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
25. Паперный В. Мос-Анджелес: Избранное. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 416 с.
26. Вайль П. Гений места. – М.: Независимая газета. 2001. – 242 с.
27. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html> (дата обращения 12.12.2023).
28. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 4. – С. 41–54.
29. Калачева О. Общие и общественные вещи современного города // Неприкосновенный запас. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/obshhie-i-obshhestvennye-veshhi-sovremennogo-goroda.html> (дата обращения 13.03.2024).

30. Кропотов С.Л. Параметры креативного города: фантасмагории места в локальных текстах // Студенческая научно-практическая конференция «Культура современного мегаполиса: постиндустриализация городского пространства». – Екатеринбург: ЕАСИ, 2010. – С. 7–33.
31. Маяцкий М. Курорт Европа. – М.: Аггау Литагент «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 176 с.
32. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 142 с.
33. Ромашко С. Монумент-сувенир-улика: временная ось мегаполиса // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 97–108.
34. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: НЛЮ, 2011. – 520 с.
35. Трубина Е.Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. – 2011. – № 4. – С. 34–49.
36. Теория и жизненный мир человека / под ред. В.Г. Федотова. – М.: Институт философии РАН, 1995. – 206 с.
37. Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиски современности. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – 287 с.
38. Самутина Н.В. Собиратели взгляда // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 325–332.
39. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А.Ю. Коннова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
40. Анохин А.А., Кузин В.Ю. Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Известия Русского географического общества. – 2021. – № 153 (5). – С. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869607121050025>.
41. Харви Д. Неолиберальная урбанизация. URL: www.inop.ru/files/Harvey.doc (дата обращения 17.02.2024).
42. Zukin S. Changing landscapes of power: opulence and the urge for authenticity // International Journal of Urban and Regional Research. – 2009. – Vol. 33 (2). – P. 543–553.
43. Old town challenge Tomsk. URL: https://www.instagram.com/domwood_tomsk (дата обращения 14.04.2024).
44. Томск. Карта историй. URL: <https://www.kartatomsk.ru/> (дата обращения 14.04.2024).
45. Улица Татарская, 31/1 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_31_1 (дата обращения 14.04.2024).
46. Улица Максима Горького, 18 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/gorkogo_18 (дата обращения 15.04.2024).
47. Улица Татарская, 11 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_11 (дата обращения 15.04.2024).
48. Улица Красноармейская, 117 // Томск. Карта историй. URL: https://www.kartatomsk.ru/stories/krasnoarmeyskaya_117 (дата обращения 15.04.2024).
49. Секацкий А.К. От формации вещей к эпохе текстов // Сила простых вещей: сборник статей. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 69–80.
50. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
51. Улица Кузнецова, 17/2 // Томск. Карта историй. https://www.kartatomsk.ru/stories/kuznecova_17_2 (дата обращения 15.04.2024).
52. Рауниг Г. Для Берта: эссе о бытии-под и бытии-вокруг // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/100/article/2216п> (дата обращения 13.03.2024).
53. «Это был признак нормального здорового города»: арт-сообщество поддержало томских художников, которых выселяют под давлением мэрии. URL: <https://lyubimiiгород.ru/novosibirsk/news/11004576> (дата обращения 24.04.2024).
54. Калинин И. Возвышенный субъект политической риторики: между метафорой представления и метонимией присутствия // Неприкосновенный запас. – 2020. – № 4. – С. 130–149. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2020/4/vozvyshennyj-subekt-politicheskoy-ritoriki-mezhdu-metaforoj-predstavleniya-i-metonimiej-prisutstviya.html> (дата обращения 13.01.2024).
55. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/moskva-parizh-prostranstvennye-struktury-i-telesnye-shemy.html> (дата обращения 13.01.2024).
56. Жесть. Томск. URL: <https://vk.com/roughtomsk> (дата обращения 24.04.2024).
57. Смирнов Н. Постэкзотизм: ассамбляжность «Я», несводимость «Других» // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/85/article/1863> (дата обращения 13.03.2024).
58. Таунсенд Э. Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии / пер. А. Шоломицкой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 400 с.
59. Пензин А. «Постоянно включённый»: проблема непрерывности в современном капитализме // Художественный журнал. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/101/article/2234> (дата обращения 13.03.2024).

Информация об авторах

Наталья Андреевна Колодий, доктор философских наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; kolna@tpu.ru

Вера Степановна Иванова, кандидат философских наук, доцент философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; vcsoc@rambler.ru

Поступила в редакцию: 15.05.2024

Поступила после рецензирования: 10.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

REFERENCES

1. Fatkulina E. *Urban travel. Tomsk*. Tomsk, Makushin Media Publ., 2021. 144 p. (In Russ.)
2. Living laboratory. *Network of living laboratories of Tomsk*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/lltnet> (accessed 4 April 2023).
3. Avanesov S.S., Fedotova N.G. *City: in search of identity*. Moscow, Aletheya Publ., 2022. 408 p. (In Russ.)
4. Anisimov N.O., Turkina V.G., Kalinina G.N. Axiology and boundaries of urban environment identity: cultural and anthropological perspective. *Science. Art. Culture*, 2022, no. 3 (35), pp. 5–13. (In Russ.)
5. Gornova G.V. Harmony between the city and the man: problems of forming city identity. *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 2018, Iss. 3 (17), pp. 43–56. (In Russ.) DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56.
6. Petrulovich I.A. Urban identity in the value paradigm modern Russian society. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1–10. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15862/83SCSK423>.
7. Davis M. *Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster*. New York, Metropolitan Books, 1998. 142 p.
8. Davis M. *Planet of Slums*. London, Verso, 2006. 324 p.
9. Davis M. *City of quartz: excavating the future in Los Angeles*. New York, Vintage Books, 2006. 441 p.
10. Koolhaas R., Mau B. *S, M, L, XL*. New York, Monacelli Press, 1995. 1344 p.
11. Cook F. Modern, postmodern and city. *Logos*, 2002, no. 3 (34), pp. 1–30. (In Russ.)
12. Logan D., Moloch H. *The city as a growth machine*. (In Russ.) Available at: <http://www.urban-club.ru/?p=98> (accessed 15 March 2024).
13. Rousseau M. Re-imagining the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in “Loser Cities”. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33.3, pp. 770–788.
14. Sassen S. Global cities. *Prognosis*. (In Russ.) Available at: <https://les-urbanistes.blogspot.com/2009/01/blog-post.html> (accessed 15 March 2024).
15. *Global city: theory and reality*. Ed. by N.A. Sluki. Moscow, Avanglion LLC, 2007. 243 p. (In Russ.)
16. Soja E. *Six discourses on the postmetropolis*. Available at: http://www.opa-a2a.org/dissensus/wp-content/uploads/2008/05/soja_edward_w_six_discourses_on_the_postmetropolis.pdf (accessed 15 April 2024).
17. Amin E., Thrift N. *Cities. Rethinking the urban*. Moscow, Red Swallow Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)
18. Brenner N., Schmid Ch. Towards a new epistemology of the urban? *City*, 2015, vol. 19, no. 2–3, pp. 151–182. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1014712>.
19. Trushchenko O. *Prestige of the center: urban social segregation in Moscow*. Moscow, Sotsio-Logos Publ. House, 1995. 240 p. (In Russ.)
20. Manaenkov K. *Capital Harlem. How to solve the problem of the emergence of ghettos in Moscow and the regions*. (In Russ.) Available at: <https://snob.ru/entry/185953n/> (accessed 15 May 2024).
21. Ass E. Towards simplicity. *Project Russia*. (In Russ.) Available at: <https://prorus.ru/interviews/k-prostote/> (accessed 15 March 2024).
22. Vysokovsky A. Management of spatial development. *Otechestvennye zapiski*. (In Russ.) Available at: <https://strana-oz.ru/2012/3/upravlenie-prostranstvennym-razvitiem> (accessed 12 March 2024).
23. Glazychev V. *City without borders*. Moscow, Territory of the Future Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
24. Dobritsina I. *From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science*. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)
25. Paperny V. *Mos Angeles: favorites*. Moscow, New Literary Review Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)
26. Weil P. *Genius loci*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2001. 242 p. (In Russ.)
27. Groys B. The city in the era of its tourist reproducibility. *Untouched reserve*. (In Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html> (accessed 12 December 2023).

28. Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. Anthropology of the digital city: on the issue of choosing a method. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.)
29. Kalacheva O. Common and public things of a modern city. *Emergency reserve*. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/obshhie-i-obshhestvennye-veshhi-sovremennogo-goroda.html> (accessed 13 March 2024).
30. Kropotov S.L. Parameters of a creative city: phantasmagoria of place in local texts. *Student scientific and practical conference. Culture of a modern metropolis: post-industrialization of urban space*. Ekaterinburg, EASI Publ., 2010. pp. 7–33. (In Russ.)
31. Mayatsky M. *Resort Europe*. Moscow, Array Litagent “Ad Marginem Press”, 2009. 176 p. (In Russ.)
32. Revzin G. *Essays on the philosophy of architectural form*. Moscow, OGI Publ., 2002. 142 p. (In Russ.)
33. Romashko S. Monument-souvenir-evidence: the temporal axis of the metropolis. *Logos*, 2002, no. 3 (34), pp. 97–108. (In Russ.)
34. Trubina E.G. *The city in theory: experiments in understanding space*. Moscow, NLO Publ., 2011. 520 p. (In Russ.)
35. Trubina E.G. Turn to space: interdisciplinary movement and difficulties of its popularization. *Political Conceptology*, 2011, no. 4, pp. 34–49. (In Russ.)
36. *Theory and the life world of man*. Ed. by V.G. Fedotova. Moscow, Institute of Philosophy RAS Press, 1995. 206 p. (In Russ.)
37. Przhilenskaya I.B. *The evolution of the life world of Russians: the search for modernity*. Stavropol, SSU Publ. House, 2007. 287 p. (In Russ.)
38. Samutina N.V. Gatherers of the Gaze. *Russian sociological review*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 325–332. (In Russ.)
39. Auger M. *Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity*. Moscow, New Literary Review Publ., 2017. 136 p.
40. Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. Transformation of the modern methodology and trends of the study of polarization. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, 2021, no. 153 (5), pp. 3–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869607121050025>.
41. Harvey D. *Neoliberal urbanization*. (In Russ.) Available at: www.inop.ru/files/Harvey.doc (accessed 17 February 2024).
42. Zukin S. Changing landscapes of power: opulence and the urge for authenticity. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33 (2), pp. 543–553.
43. *Old town challenge Tomsk*. (In Russ.) Available at: https://www.instagram.com/domwood_tomsk (accessed 14 April 2024).
44. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: <https://www.kartatomsk.ru/> (accessed 14 April 2024).
45. Tatarskaya Street, 31/1. (In Russ.) *Tomsk. Map of stories*. Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_31_1 (accessed 14 April 2024).
46. Maxim Gorky Street, 18. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/gorkogo_18 (accessed 15 April 2024).
47. Tatarskaya Street, 11. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/tatarskaya_11 (accessed 15 April 2024).
48. Krasnoarmeyskaya Street, 117. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/krasnoarmeyskaya_117 (accessed 15 April 2024).
49. Sekatsky A.K. From the formation of things to the era of texts. *The power of simple things: a collection of articles*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2013. pp. 69–80. (In Russ.)
50. Lotman Yu.M. *Inside thinking worlds*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ., 2018. 448 p. (In Russ.)
51. Kuznetsova Street, 17/2. *Tomsk. Map of stories*. (In Russ.) Available at: https://www.kartatomsk.ru/stories/kuznecova_17_2 (accessed 15 April 2024).
52. Raunig G. For Bert: an essay on being-under and being-around. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/100/article/2216n> (accessed 13 March 2024).
53. “This was a sign of a normal, healthy city”: the art community supported Tomsk artists who were being evicted under pressure from the mayor’s office. (In Russ.) Available at: <https://lyubimiiigorod.ru/novosibirsk/news/11004576> (accessed 24 April 2024).
54. Kalinin I. The sublime subject of political rhetoric: between the metaphor of representation and the metonymy of presence. *Untouched reserve*, 2020, no. 4, pp. 130–149. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2020/4/vozvyshennyj-subekt-politicheskoy-ritoriki-mezhdu-metaforoj-predstavleniya-i-metonomiej-prisutstviya.html> (accessed 13 January 2024).
55. Bikbov A. Moscow/Paris: spatial structures and bodily schemes. *Logos*. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/moskva-parizh-prostranstvennye-struktury-i-telesnye-shemy.html> (accessed 13 January 2024).
56. *Tin. Tomsk*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/rougthomsk> (accessed 24 April 2024).

57. Smirnov N. Post-exoticism: assemblage of “I”, irreducibility of “Others”. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/85/article/1863> (accessed 13 March 2024).
58. Townsend E. *Smart cities: big data, civil hackers and the search for a new utopia*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 400 p. (In Russ.)
59. Penzin A. “Constantly switched on”: the problem of continuity in modern capitalism. *Art journal*. (In Russ.) Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/101/article/2234> (accessed 13 March 2024).

Information about the authors

Natalia A. Kolodiy, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kolna@tpu.ru

Vera S. Ivanova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; vcso@rambler.ru

Received: 15.05.2024

Revised: 10.07.2024

Accepted: 30.09.2024